

Предложенное нами деление изданий текстов в известной мере развивает то, которое утвердилось и в мировой науке. Так, бельгийский ученый Франсуа Масэ предлагает следующее деление изданий на типы:

«1) издание критическое, пытающееся использовать все документальные данные, чтобы восстановить прошлые этапы истории текста и по возможности оригинал списков;

2) факсимильное издание, механически воспроизводящее документы;

3) издание дипломатическое, или археографическое воспроизведение текстов»¹.

Я не указываю здесь классификаций изданий по методам, которыми они выполнены². Такого рода классификации важны для историков науки, но не в практических целях издания текстов, так как перед каждым текстологом стоит вопрос выбора одного метода издания текстов и этот выбор должен быть совершен раз и навсегда.

Итак, выбор типа издания зависит от целей издания и от характера памятника. В зависимости от целей издания и от характера памятника должны быть продуманы и приемы издания. Ни одно издание не должно быть механически подчинено трафарету.

Вопрос о «каноническом тексте»

Вопрос о «каноническом тексте» литературных произведений дебатруется столь часто в работах и даже газетных статьях текстологов, занимающихся литературными произведениями нового времени, что выразить свое отношение к этому вопросу текстологу древнерусских памятников совершенно необходимо.

Термин «канонический текст» заимствован литературоведами нового времени у богословов. Под этим термином богословы подразумевают тот

¹ *François Masai*. Principes et conventions de l'édition diplomatique. — *Scriptorium*, 1950, vol. 4, № 1–2. P. 178.

² Пример такой классификации дает Холмз в рецензии на книгу А. Кастеллани: «There are four possibilities, in the main: (1) to follow the Lachmann method; (2) to use the Bédier system, choosing the best manuscript and correcting only obvious errors; (3) selecting the best manuscript as a base, to allow oneself considerable correction from other manuscripts, and even subjectively according to what the editor thinks the author intended — provided all this is well marked in the footnotes or variants; (4) to make a diplomatic text, reproducing irregularities, abbreviations, etc., as closely as this can be done with printed type» (*Urban T. Holmes*. Рец. на кн.: *A. Castellani*. *Bédier avait-il raison?* Fribourg, 1957. — *Speculum*, 1958, October. P. 527–528). О классификации типов изданий см. также интересные соображения в книге: *K. Górski*. *Sztuka edytorska. Zarys teorii*. Warszawa, 1956, S. 164–197. Ср.: *G. Witkowski*. *Textkritik und Editionstechnik neuerer Schriftwerke. Ein methodologischer Versuch*. Leipzig, 1924.

текст канонических книг, который официально принят церковью. Казалось бы, древняя русская литература в целом ближе к церковным текстам и, следовательно, понятие «установленного церковью» текста ей должно быть более свойственно, чем литературе нового времени. На самом деле понятие «канонического текста» в текстологии древнерусских памятников не применяется совершенно.

Конечно, церковное происхождение понятия «канонический текст» сейчас уже не принимается во внимание. Никто из текстологов нового времени не вносит в это понятие каких-либо церковных представлений. Под каноническим текстом классического произведения понимается текст раз и навсегда закрепленный, установленный для всех изданий, твердый, стабильный, обязательный для изданий. Установление канонического текста классического произведения нового времени необходимо главным образом в практических целях массовых изданий. Тексты классических произведений издаются по многу раз. Невозможно, чтобы текст для каждого издания готовился заново. Крайне вредно в педагогическом отношении, чтобы тексты классических произведений (особенно стихотворных), которыми пользуются школьники, разнились между собой. Надо устранить возможность произвола тех текстологов, которые любят «украшать новациями» собственные издания классических произведений. Страсть к открытиям, особенно опасная при наличии многих рукописей, корректур, различных прижизненных изданий того или иного автора, к сожалению, обуревают начинающих текстологов не менее, чем и начинающих представителей некоторых других гуманитарных специальностей.

Массовые издания памятников древнерусской литературы гораздо реже, чем издания памятников новой классической русской литературы. В связи с этим нет такой необходимости «вырабатывать» и канонизировать специальный текст для изданий. Но, кроме того, существуют особые, специфические для древней русской литературы, препятствия к выработке и канонизации определенного текста.

Если говорить об «авторской воле» и о «последней авторской воле» как специальном требовании канонизации текста, то эти понятия, крайне смутные и в отношении памятников нового времени, совершенно неприменимы к памятникам древним. В самом деле, даже самое понятие «автора» в древнерусской литературе весьма относительно. Что такое «автор» посланий Ивана Грозного? Это один Грозный или Грозный с помощниками, которые записывали то, что Грозный диктовал, навели для него справки, вставляли цитаты, дорабатывали текст? Был ли единый автор у «Повести о разорении Рязани Батыем»? Не приходится ли иногда особое внимание уделять работе редакторов; как разделить работу автора и работу редакторов? Следы коллективности в работе над древнерусскими литературными произведениями слишком явственны, и слишком явственна текучесть, изменчивость древнерусских текстов, затормозить которую изданием **о д н о г о** канонического текста вряд ли возможно и необходимо.

Вместе с тем, если бы воля авторов и редакторов древнерусских литературных произведений и была установима, то она в очень многих случаях ока-

залась бы отнюдь не художественной, «литературной» волей, а волей, стремящейся выразить чужое мнение — мнение заказчика, идеологического доминатора или мнение той социальной среды, к которой автор принадлежал. В Древней Руси не было той «фокусировки» авторской воли в индивидуальном сознании автора, которая могла быть только в новое время с его обостренным сознанием личности творца. К древнерусским литературным произведениям в еще большей мере, чем к произведениям новой русской литературы, можно отнести положение Б. В. Томашевского: «Произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому как не один человек, а эпоха творит исторические факты»¹.

Далее. Канонический текст древнерусских литературных произведений нельзя создавать еще и потому, что каждое литературное произведение Древней Руси является одновременно в той или иной степени и историческим источником. И здесь дело не только в том, что древнерусскими литературными памятниками гораздо чаще литературоведов пользуются историки-источниковеды, а в том еще, что по самой своей природе литературные памятники Древней Руси стоят на грани литературных и деловых, литературных и исторических. Что же стало бы с историческими источниками, если бы стали стандартизировать их текст, утверждать («канонизировать») для пользования им только один его вид, тем более текст, который жил живой жизнью в течение 500–600 лет?

Значит ли все то, о чем мы говорили выше, что следует мириться с субъективизмом текстологов и не требовать от них объективных результатов? Конечно нет! Именно потому, что в Древней Руси тексты памятников особенно неустойчивы, что они служат не только целям удовлетворения потребностей в литературе, но и историческими источниками, — мы должны удесятеренными усилиями добиваться объективных результатов и всячески бороться с субъективизмом. Однако только научное изучение приводит к объективным результатам, а не инструкции, правила публикации текстов и официальные канонизации определенных текстов. Инструкции, правила публикаций и «канонизации» могут создать лишь внешнее единообразие текстов, что несомненно в известных пределах также чрезвычайно важно, но это внешнее единообразие может явиться результатом простой канонизации одного субъективного подхода из многих, а отнюдь не торжеством научной объективности. Инструкции полезны только тогда, когда они являются результатом объективного и конкретного изучения.

Субъективизм возникает в результате недостаточного понимания явления, в результате незавершенности научного исследования. Чем лучше изучена история текста произведения, тем меньше будет различий между отдельными изданиями этого текста. Конечно, в зависимости от целей издания, его типа, издатель и впредь будет предпочитать то одну редакцию произведения, то другую, а иногда издавать памятник по всем редакциям и

¹ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. С. 152.

прибегать к разным приемам упрощения текста и т. д. Но это и не страшно. Страшно другое: когда одна и та же редакция издается по разным спискам, когда не существует единства в понимании истории текста и т. д. Повторяю: только научное понимание приводит к объективной истине и, следовательно, к объективным результатам. Так, например, вопрос о том, надо или не надо исправлять текст в издании, часто только потому и стоит, что мы не уверены в необходимости и обоснованности некоторых исправлений. Если бы мы точно знали историю текста — этого вопроса не стояло бы. Точно так же и в вопросе: издавать ли «Душеньку» Богдановича по последнему варианту или так, как она была издана впервые? Вопрос рушится, как только мы узнаем все то, чем руководствовался Богданович при своем последнем, старческом исправлении «Душеньки». Тот же вопрос и тот же ответ могли бы быть повторены и получены относительно многих других произведений.

Заклучим наше рассуждение следующим утверждением: всякое издание должно быть **научным**, т. е. должно основываться на научном текстологическом изучении произведения — будет ли это научно-популярное издание массового типа или издание для специалистов. Тексты в них могут быть различными (может издаваться та или иная редакция или все редакции, правила передачи текста могут быть «облегченными» или требовательными), но научное понимание этих текстов должно быть по возможности единым, т. е. должно основываться на полной изученности всех связанных с ним фактов.

Текстологическое изучение любого произведения ведется совершенно независимо от того, для какого издания это текстологическое изучение предназначается и предназначается ли оно вообще для какого-либо издания. Любое издание, любой тип издания должны пользоваться одними и теми же объективными результатами научного исследования.

Выбор основного текста

Если приходится издавать памятник по нескольким спискам со сложной рукописной традицией, то какой из них следует положить в основу издания? Само собой разумеется — лучший. Но что такое «лучший список»? В этом важном вопросе мы не имеем единых взглядов. Понятие «лучшего списка» сильно колеблется в зависимости от того, как текстолог представляет себе движение текста памятников.

Наиболее простой случай: текстолог берет за основу самый исправный список, т. е. список, в котором нет или сравнительно мало внешних дефектов — пропусков, описок, неясных мест и т. д. Конечно, издатель текста должен считаться с тем, много ли внешних дефектов в списке, который он собирается принимать за основной. Однако «исправность» списка далеко не то его качество, которое следует иметь в виду в первую очередь. Ведь «исправность» текста может быть результатом последующих исправлений, а не следствием его первоначальной сохранности. Представление о том, что наи-